

УДК 101.1:316

М.В. Черепанова

ФОРМИРОВАНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

В рамках социальной эпистемологии в статье постулируется взаимосвязь между национальной культурой и особенностями научного этоса. Рассматриваются основные факторы, оказавшие влияние на формирование ценностных установок научной деятельности в России. В качестве важнейшей предпосылки переосмысления образа науки в современной культуре наряду со сложившейся международной системой этического регулирования рассматривается русская религиозная философия, расширяющая понятие истины до концепта всеобщего блага и преодолевающая дискретность научного мышления.

Ключевые слова: научный этос, социальная эпистемология, этика науки.

Исследование тенденций формирования научного этоса в России является сегодня одним из ключевых направлений в отечественной эпистемологии и философии науки. Важность этого вопроса кроется в необходимости с социокультурных, философских позиций обосновать механизмы создания образа науки и тем самым преодолеть ряд ее негативных оценок со стороны широкой общественности. Для этого представляется необходимым обратиться к историческим аспектам возникновения науки в России и проследить, каким образом на более ранних этапах удалось превратить ее в органичную часть национальной культуры.

Отправной точкой нашего рассуждения по означенной выше проблеме станет предположение, высказанное профессором В.М. Филатовым: «...генезис национального сознания содержит существенные когнитивные компоненты и потому, вероятно, не может не взаимодействовать с развитием науки, если таковая в той или иной форме существует в консолидирующемся на основе национальной идеологии государстве» [1. С. 62]. Иными словами, национальная идея пробивается сквозь каменную кладку рациональности и становится неперенным компонентом целостного образа науки. Аутентичные структуры, локальные особенности выступают необходимым элементом создания системы более высокого порядка. При детальном рассмотрении (а холистская методология, не дополненная результатами аналитической работы, не может быть плодотворной [2. С. 394]), можно выделить ряд национальных характеристик науки, связанных с особенностями используемых методологий, доказательной базы, влиянием определенной религии и философии. В этом отношении важно выявить факторы, объединяющие становление современной российской культуры с формированием в стране научного этоса.

Сразу подчеркнём, что, говоря о научном этосе, мы первоочередно имеем в виду систему ценностных ориентиров, которыми руководствуются в своей работе ученые. А значит, и становление национальной культуры также будет интерпретировано с точки зрения её аксиологических оснований (что созвуч-

но концепции Х. Патнэма, главным постулатом которой выступает связь между понятием рациональности и системой ценностей, существующих в обществе). Конечно, такой подход к проблеме может обернуться «петлей обратной связи», т.е. признание социокультурной обусловленности процесса познания приведет к пересмотру общего понятия науки. В то же время он позволит определить условия, при которых научный дискурс не только впишется в социальный контекст, но и сохранит внутреннюю ценность. Таким образом, наука не сведется исключительно к «социальному продукту», не потеряет своих фундаментальных характеристик, а обретет ряд добавочных черт, способствующих её лучшему пониманию [3. С. 66].

Согласно мнению ряда исследователей, придерживающихся концепции социокультурного конструирования наций (Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, Э. Геллнер и др.), формирование европейской национальной «самости» относится к XVIII столетию, так как именно в это время возникает образовательная система, упорядочивающая процесс передачи знания и создающая единое социокультурное пространство в рамках отдельно взятого государства. Для российской культуры XVIII в. стал в этом процессе одновременно и стартовой чертой, определившей магистральное направление дальнейшего развития страны, но не исчерпавшей весь ее духовный потенциал. Наука как особая форма деятельности и как социальный институт была привнесена в эту культуру извне, уже в готовом виде, без «строительных лесов», поэтому долгое время не могла органически влиться в ее структуру и скептически воспринималась (если вообще воспринималась) широкими массами. Являвшая собой квинтэссенцию «фаустовской души», органичную часть общеевропейской культуры, она стала своего рода «имплантом», инородным телом, вызывавшим отторжение со стороны традиционной самобытной культуры.

«Если учесть, что науки и научной деятельности как таковых не существовало в Древней Руси, а сама «ученость» понималась как начитанность, причастность к книжному знанию и узкому кругу образованных людей, то появление научного дискурса в русской культуре следует квалифицировать как поистине революционный сдвиг в сознании людей», – пишет известный российский культуролог В.И. Кондаков [4. С. 175]. Исследователь подчеркивает, что смена культурной парадигмы породила антиномичное противостояние двух во многом взаимоисключающих систем ценностей – древнерусской и общеевропейской, а русское Просвещение выступило по отношению к прежней культуре амбивалентной – обновляющей и разрушительной силой. [4. С. 188].

И хотя большинство историков науки придерживаются мнения, что на протяжении XVIII в. наука была по преимуществу элементом идеологического декора империи [5. С. 120], а статус ее был детерминирован «стремлением к внешнему государственному блеску, которое считалось в то время необходимой государственной задачей культурного государства» [6. С. 231], именно этот момент можно считать переломным для истории российской цивилизации. В XVIII столетии произошел первый модернизационный переворот, который во многом и определил последующее положение науки в российской культуре. Противоречие между неприспособленностью традиционного общества к рациональным структурам и новаторской деятельностью государства

стало лейтмотивом развития российской науки, и каждый раз в моменты спонтанных или запланированных кризисов культуры конфликт этот вспыхивает с новой силой.

Известно, что воздействие передовых культур может как стимулировать самобытную деятельность, так и загубить ее слабые ростки [7. С. 128]. В данном случае наблюдались встречные процессы. С одной стороны, наука стала знаменем обновления традиционного общества, с другой – сама подверглась некоторой модификации со стороны той среды, в которую ее поместили. Определяющее влияние на становление российской науки оказали две силы – светская власть и институт церкви.

Государственная власть, ставшая инициатором насаждения науки на российскую почву, во многом детерминировала ее внешнюю оформленность. Это стало одним из важнейших аспектов в становлении национального научного сообщества. Оно в России, как отмечает Н.И. Кузнецова, никогда не было свободно. Мощный бюрократический аппарат, набиравший силу в XVIII в., не обошел стороной и такую новую для страны область деятельности, как наука. Изначально ведущую роль в управлении академическими делами играла Канцелярия. Российская академия наук, хоть и создавалась по образцу европейских аналогов, была изначально лишена целого ряда свобод и привилегий. Наука воспринималась властями лишь с точки зрения внешних проявлений и была необходима для решения ряда практических задач.

Русская православная церковь, стремившаяся отстоять свои позиции в борьбе с государством, изначально противилась проникновению в Россию протестантских идей и образа мыслей, которые были неразрывно связаны с наукой: «...официальное обвинение в протестантизме, т.е. в ереси, угрожало буквально всем, кто пытался мыслить и действовать в духе Петровских преобразований» [8. С. 60]. Эта традиция сохранилась вплоть до XIX в., когда свободная наука в России, по выражению А.И. Герцена, еще не отделялась от еретничества [8. С. 77]. Тем не менее процесс национализации науки был запущен. Без благословения церкви, но с опорой на православную веру сформировалась особая ценностно-экзистенциальная основа, в которой присущее науке стремление к истине своеобразно слилось с поиском социальной правды. И если процессы отторжения протекали явно и были официально озвучены, то срастание науки с культурой протекало на первых порах латентно. В XIX в. уже невозможно представить российскую культуру без науки (пусть отношение к ней и оставалось настороженным). А потому появляется потребность на глубинном философском уровне обосновать включение научной европейской рациональности в традиционную культуру страны. Стремление примирить искания «прометеевского» типа, т.е. придание космического порядка вещному миру, с мессианством, идеалом «иоанновского» человека наиболее полно и органично проявилось в русской религиозной философии.

Поиск точки опоры не мог не привести науку к христианскому вероучению, составлявшему базис национального менталитета. Об этом рассуждает Н.О. Лосский: «Основная, наиболее глубокая черта русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божиим» [9. С. 240]. Даже в рамках нигилистического направления, отрицавшего христианские тра-

диции, наблюдается стремление к абсолютному добру, это не «чистая посюсторонность», а нечто большее: «...отошедшие от Церкви образованные люди утратили христианскую идею Царства Божия, однако многие из них сохранили стремление к совершенному добру» [9. С. 250].

На основе этого синтеза возникали попытки сконструировать национальный образ науки. В первую очередь стоит вспомнить труды Н.Ф. Федорова, предпринявшего попытку смягчить холодный отблеск рационализма идеей духовности. Критикуя западную традицию, в которой ученый, чтобы получить ясное представление о мире, «прежде душу изгоняет», а наука становится «служанкою торговли» [10. С. 316], он задается вопросом, «заслуживает ли названия истинной та наука, которая основывается на наблюдениях, производимых кое-где и кое-кем, выводы из которых, а также из кабинетных и лабораторных опытов, прилагаются к фабричной и заводской деятельности?» [10. С. 490]. Отвергая такой путь, как заведомо обреченный, Н.Ф. Федоров рисует иную картину всеобщей науки, которая не будет безучастной к человеческой жизни, а станет путеводной звездой в достижении вселенской гармонии. Образ «науки ради науки» в этой концепции оказывается разрушенным до основания, поиск истины в ней созвучен эсхатологическим идеям создания рая на земле.

С.Н. Булгаков в «Философии хозяйства» также уделяет внимание природе научного знания. Он отмечает антиномию, заложенную в самой сути науки: она стремится к достижению истины и одновременно дробит эту истину на множество осколков, но оправдывает это неуклонным развитием и дифференциацией научного знания, создающего опору для познания человеком мира. Наука в понимании С.Н. Булгакова вообще «насквозь антропологична»: для того чтобы понять науку, надо обратиться к пониманию человека [11. С. 142]. Именно человек-творец составляет сердце науки, и только познав сущность человека, можно познать сущность науки. Очевидно, такое понимание гораздо шире классической трактовки науки как инструмента, с помощью которого возможно познание тайн Вселенной. С.Н. Булгаков предпринимает попытку преодолеть детерминизм и механическое мировоззрение, отождествляя науку с органическим единством идей и включая ее в целостность мира и созидательной человеческой деятельности: «Наука – протоколы обнаруживающейся софийности мира. Наука вносит в темный хаос косной материи, смешения космических сил и элементов свет различения и закономерности» [11. С. 165]. Таким образом, на примере творчества русских религиозных философов XIX в. можно проследить, как наука, прежде отринутая, была осмыслена, обновлена под влиянием национальных духовных традиций и органически вплетена в русскую культуру.

Итак, можно отметить следующие особенности становления науки в России. Изначально внедрение и пропаганда науки как формы знания и как социального института проводились светской властью. Именно силами государственного аппарата было сформировано российское научное сообщество, отличавшееся от европейского большей бюрократизацией и меньшей степенью академических свобод. Это был внешний каркас, столь жесткий и косный, что преодоление его негативных характеристик продолжается по сей день. Вторая сила, оказавшая значительное влияние на становление россий-

ской науки, – православная традиция. Несмотря на противодействие официальной церкви, наука была воспринята и творчески переработана, прежде всего, в рамках русской религиозной философии. Когнитивный потенциал науки получил одобрение, но ценность истины, важнейшая для европейской науки, была расширена до понятия всеобщего блага. Преодоление дискретности научного мышления и включение науки в софийное всеединство стали основой трансформации аксиологических оснований научной деятельности в России.

Каким же образом вышеозначенные тенденции проявляют себя в современной российской культуре? Имеет ли место актуализация ценностных предпосылок, выработанных в рамках отечественной философской традиции, или современные глобализационные процессы приводят к унификации аксиологических оснований научной деятельности во всем мире? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно в силу того, что XX в. стал временем всеобщего пересмотра и дальнейшего расширения аксиологического базиса научной деятельности с включением в него принципов социальной ответственности ученого. В сущности, идеи, высказанные русскими религиозными философами на рубеже XIX–XX вв., нашли подтверждение в современной концептуальной модели научной этики (с сожалением приходится констатировать, что для того, чтобы переосмысление этих идей началось, миру науки потребовалось пережить целый ряд трагедий, порожденных ошибочным представлением о ценностной нейтральности науки).

На международном уровне подобные идеи воплощаются как в рамках деятельности отдельных научных институтов и национальных комитетов, так и в широкомасштабных проектах международных организаций (примером может служить «Этическая обсерватория ЮНЕСКО»). Целью проводимых мероприятий выступает необходимость органичного синтеза внутренних ориентиров научной деятельности с фундаментальными социокультурными установками в контексте современного «общества знания», для которого характерно не только создание новых технологий, расширяющих физические, психические и интеллектуальные возможности человека, но и возникновение всевозможных рисков, касающихся как усиления техногенного влияния на окружающую среду, так и вопросов выработки человеком идентичности в новых условиях. Важнейшими принципами осуществления научной деятельности становятся бескорыстие и интеллектуальная честность, способность учитывать гражданские и этические аспекты исследований; умение трудиться в духе интеллектуальной свободы поиска, определять методы исследований, соответствующие гуманным целям исследований и требованиям социальной и экологической ответственности, развивать и защищать научную истину и др.

В современной России обсуждение значимости этических детерминант научной деятельности не имеет столь широкого резонанса, как на международной арене. Обусловлен этот факт сложностями, сопровождавшими развитие отечественной науки в 1990-е гг., которые, по мнению социологов, были детерминированы переходными процессами в государстве: отсутствие финансирования и идеологической поддержки со стороны власти привело к нарушению традиций российского научного этоса и серьезной нехватке молодых специалистов. В 2000-е гг. происходит укрепление институциональной

основы российской науки и возникает еще большая связь между наукой и государством: грантово-конкурсная система реализации исследований направлена на стимулирование развития областей науки, приоритетных для современного этапа развития страны.

Одним из последних шагов в рамках выработки аксиологических оснований отечественной науки стала разработка экспертной группой проекта Декларации этических принципов научной деятельности для стран – участников СНГ (2011 г.). В данном проекте отражены основные принципы внутренней и внешней научной этики, сформулированные на основании существующих международных деклараций и кодексов, а также отмечена значимость общественной и государственной поддержки в создании благоприятного климата для научных исследований. Однако аналитический обзор, на основании которого сформулирован проект, создан на основании преимущественного обобщения мирового опыта, а потому является лишь базой, на которой с учетом национальной и региональной специфики могут быть артикулированы ценностные основания современной российской науки.

В данной связи важно вновь обратиться к рассмотрению социокультурных оснований формирования национального научного этоса в историческом контексте. Анализ показывает, что успех формирования ценностных оснований отечественной науки зависит не только от поддержки государства, но и от преодоления образа «технонауки», лишенной антропологических оснований и потому чужеродной российской культуре, от формирования концепции современной науки, органично вписывающейся в национальный контекст. Особый интерес представляет изучение философии науки в России на рубеже XIX–XX вв., в которой были выработаны концепции, отражавшие процессы, схожие с теми, которые переживает наше общество в настоящее время. В трудах В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, посвященных данным вопросам, сформулированы теоретические предпосылки формирования современной картины мира и места в ней науки, создан оригинальный категориальный аппарат, предложены методы исследования, показаны точки пересечения науки с другими сферами человеческой деятельности, что должно способствовать более глубокому пониманию тенденций развития российско-го научного этоса на современном этапе.

Таким образом, рассмотрение процесса формирования аксиологических оснований научной деятельности в России позволяет не только выделить его базовые характеристики, но и обозначить перспективы дальнейшего развития данной проблематики. В рамках сложившейся практики этического регулирования научной работы в нашей стране намечается четкая взаимосвязь с мировыми тенденциями, в то же время серьезный когнитивный потенциал содержится в трудах русских религиозных философов, которые остаются пока предметом изучения исследователей-теоретиков и не оказывают существенного влияния на создание конкретных рекомендаций (этических кодексов, деклараций и пр.), но могут послужить основой для формирования адекватного современным реалиям образа российской науки, образа, не только отвечающего современным мировым трендам, но и в полной мере отражающего национальную специфику.

Литература

1. *Филатов В.П.* Социальная эпистемология и национальный образ науки // Эпистемология и философия науки. 2007. № 4. С. 59–62.
2. *Мамчур Е.А.* Образы науки в современной культуре. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. 400 с.
3. *Агацци Э.* Эпистемология и социальное : петля обратной связи // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 58–66.
4. *Кондаков И.В.* Культурология : история культуры России: курс лекций. М. : ИКФ Омега-Л, Высш. шк., 2003. 616 с.
5. *Чернозуб С.П.* Рождение русской науки в качестве «национального мифа» // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 113–123.
6. *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. 467 с.
7. *Гачев Г.Д.* Наука и национальные культуры: (Гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1992. 318 с.
8. *Кузнецова Н.И.* Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII – середина XIX в.). М.: УРСС, 1997. 264 с.
9. *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра: Основы этики: Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
10. *Федоров Н.Ф.* Сочинения / под общ. ред. А.В. Гулыги. М. : Мысль, 1982. 711 с.
11. *Булгаков С.А.* Философия хозяйства. М. : Наука, 1990. 414 с.